Изъ харьковской театральной старины.

Юзефъ Крайъ.

Харьковскій театръ во времена Млотковскаго (1833—43 годы).

№ 1423 IV. 93 Ушаи 1893.

Сколько мѣсяцевъ въ году оставалась труппа Млотковскаго въ Харьковѣ и когда именно она разъѣзжала по другимъ городамъ? Съ точностью можно отвѣчать на этотъ вопросъ лишь относительно конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ, о предшествующемъ же времени у насъ нѣтъ вполнѣ ясныхъ свѣдѣній. По всей вѣроятности, Млотковскій всегда пріурочивалъ спектакли къ четыремъ харьковскимъ ярмаркамъ т. е. къ осени, зимѣ и веснѣ,—въ ярмаркамъ, благодаря которымъ населеніе тогдашняго Харькова, не исходившее въ 30-хъ годахъ и до 30000, а въ половинѣ 40-хъ до 40000, значительно возрастало* **. Изъ лежащей передъ нами рукописной автобіографіи провинціальнаго актера, покойнаго И. И. Лаврова, какъ будто выходитъ, что труппа Млотковскаго прочно утвердилась въ Харьковѣ лишь въ самомъ концѣ 30-хъ годовъ, а прежде лишь сравнительно не долго оставаясь въ немъ. О ея переѣздахъ съ одного мѣста въ другое, вспоминая свою молодость, Лавровъ говоритъ вотъ что: „Въ маѣ 1837 года получилъ я приглашеніе на службу письмо отъ Л. Ю. Млотковскаго и немедленно отправился на Коренную ярмарку Курской губерніи, гдѣ онъ тогда находился съ своей труппою, но я пріѣхалъ уже въ послѣдній спектакль этой ярмарки. Труппа Млотковскаго на другой же день вмѣхала на Роменскую ярмарку, и я, вмѣстѣ съ нею, перебрался въ Ромны (уѣздный городъ Полтавской губ.)... По окончаніи Роменской ярмарки труппа перебхала въ Харьковъ на Успенскую ярмарку... Послѣ Успенской ярмарки, побывавши въ Полтавѣ на дворянскихъ выборахъ, мы переѣхали въ Кіевъ на зимній сезонъ. Въ эту зиму дѣла Млотковскаго были просто блестящіе. При открытіи выборахъ пріѣзжая кіевская знать чисто восторженный. Въ годъ пріѣхалъ къ намъ въ Кіевъ на 10 спектаклей знаменитый трагикъ московскій П. С. Мочаловъ. Кончивши по условію съ П. С. Мочаловымъ десять спектаклей въ Кіевѣ, труппа отправилась, побывавши въ Житомирѣ... въ лѣтній сезонъ въ Бердичевъ, а именно въ Кременчугъ, Екатеринославль, Ромны, Лубны и Харьковъ, и объѣхавши въ положеніе время всѣ три ярмарки, возвратилась въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года въ Кіевъ для зимняго сезона. Какъ спектакли, такъ и бенефиси этою зимою были весьма неудачны, и Млотковскій великимъ постомъ 1839 года, кончивши всѣ дѣла свои въ Кіевѣ, перебрался на постоянное жительство со всею труппою въ Харьковъ, гдѣ онъ имѣлъ собственный домъ*. „Съ началомъ весны, съигравши, разумѣется, въ Троицкую ярмарку для харьковской публики нѣсколько спектаклей, мы въ разъѣзды этого лѣтняго сезона я былъ изъ числа посылаемыхъ для перваго спектакля и всегда на почтовыхъ, т. е. двухъ перекладныхъ тройкахъ: на *одной*: я, Бобровъ — комикъ, Новицкій — простакъ и дирижеръ, на *другой*—квартетъ музыкантовъ) всей труппой отправились на Коренную ярмарку, потомъ, по заведенному порядку, въ Кременчугъ, Екатеринославъ и Ромны. На Роменскую ярмарку этого года пріѣхалъ *опять* на десять спектаклей по просьбѣ Л. Ю. Млотковскаго П. С. Мочаловъ. Послѣ Ромнъ Мочаловъ поѣхалъ съ нами въ Харьковъ и здѣсь игралъ еще десять спектаклей, разумѣется, приводя въ восторгъ своей игрой харьковскую публику... Послѣ Успенской ярмарки, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Млотковскій отправилъ половину труппы въ Воронежъ, я былъ также въ числѣ назначенныхъ имъ для зимняго сезона въ этотъ городъ, гдѣ въ продолженіе всей зимы игралъ въ водевильныхъ роляхъ и первыхъ драматическихъ*...... „Этой зимой,—такъ завершаетъ И. И. Лавровъ разсказъ о первомъ періодѣ своего пребыванія на харьковской сценѣ*: окончилась моя служба у Млотковскаго*". Изъ этого разсказа можно вывести заключеніе, что между 1837 и 1839 годами труппа Млотковскаго проводила большую часть года въ Кіевѣ, Харьковѣ наѣзжала лишь во время „лѣтняго волка", „перебралась-же на постоянное жительство" въ Харьковъ лишь въ самомъ концѣ 30-хъ годовъ. Весьма можетъ быть, однако, что Лавровъ разсказываетъ лишь о тѣхъ переѣздахъ труппы Млотковскаго, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ, и что Млотковскій, отправляясь на всю осень и зиму въ Кіевъ, всегда оставлялъ часть труппы, хотя, быть можетъ, и не лучшую, въ Харьковѣ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что онъ смотрѣлъ на Харьковъ, какъ на центральный пунктъ своей дѣятельности не только съ 1839 года, но и раньше. Доказательствомъ служитъ то самое „пригласительное письмо", о которомъ упоминаетъ И. И. Лавровъ, говоря о своемъ поступленіи въ труппу Млотковскаго. Въ этомъ письмѣ (оно сохранилось въ бумагахъ Лаврова и было напечатано Млотковскимъ, какъ видно изъ поѣтъ, сдѣланной его рукою, 15 апрѣля 1837 года), между прочимъ, находятся слѣдующія слова: „желаю вы свободны и не обязаны другому, то смѣло по полученіи сего письма отправляйтесь къ намъ въ городъ Харьковъ, *гдѣ я имѣю всегдашнее требованіе съ моею труппою*".

* См. „Южный Край" № 4232.

** Въ 1837 году, жителей въ Харьковѣ въ томъ числѣ временно-проживающихъ, было 23147 (И. С. Аксакова *Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ*, „Губ. Вѣдомости", стр. 310), а въ 1844 году 38534 („Молодикъ" Бецкаго, на 1844 годъ, см. планъ приложенный къ концу книги). О томъ, какъ велись были приливъ временнаго приарочнаго населенія, даютъ понятіе слѣдующія цифры, приведенныя въ мѣстныхъ „Губ. Вѣдомостяхъ" (№ 4): въ Харьковѣ пріѣзжали:

на Крещенскую ярмарку	35,000	человѣкъ.
„ Успенскую	70,000	(?)
„ Покровскую	15,000	
„ Троицкую	10,000	

* Автобіографія И. И. Лаврова и другіе рукописные матеріалы, о которыхъ упоминается въ нашихъ статьяхъ о временахъ Млотковскаго, мы получили отъ его внучекъ Н. Н. Дюковой и О. Н. Барсуковой, которымъ и приносимъ свою благодарность.

Далѣе въ томъ же письмѣ говорится: „Ежели ваше намѣреніе истинное поступить въ мою труппу, то постарайтесь послѣ праздниковъ прибыть ко мнѣ для занятій голей по нашему ампуа, *ибо у меня теперь составляется репертуаръ въ сихъ двухъ мѣсяцахъ, съ апрѣля и мая, почти на цѣлый годъ*". Такимъ образомъ весною 1837 года труппа Млотковскаго находилась въ Харьковѣ и имѣла въ *Харьковѣ же* свое „постоянное пребываніе". Если допустить, что зимніе сезоны 1837—1838 и 1838—1839 годовъ были въ этомъ отношеніи исключеніемъ, то надо предполагать, что въ Харьковѣ играла въ эти сезоны когда-нибудь другая труппа, такъ какъ крещенскія ярмарки всегда были своего рода магнитомъ для „перелетныхъ птицъ" театральнаго міра, но какая именно это была труппа,—намъ неизвѣстно.

Судя по послѣднимъ годамъ дѣятельности Млотковскаго, спектакли начинались въ Харьковѣ съ 15 августа, * т. е. съ открытія Успенской ярмарки, и продолжались до Великаго поста, потомъ возобновлялись на 4-й день Свѣтлаго праздника и оканчивались съ прекращеніемъ Троицкой ярмарки **. Въ лѣтнее время труппа ѣзжала изъ Харькова въ другіе города къ бывающимъ тамъ ярмаркамъ* ***. Ильинская ярмарка въ Ромнахъ столка при этомъ на первомъ планѣ. Ее посѣщала труппа каждый годъ. Бѣдная она, какъ мы видѣли, и въ другіе годы, при чемъ иногда бывала, между прочимъ, въ Одессѣ, въ Николаевѣ, въ Лубнахъ, въ Курскѣ и т. д. ****. Иногда сейчасъ-же послѣ Святой труппа дѣлилась на части: одна половина ея оставалась въ Харьковѣ до конца Троицкой ярмарки, а другая отправляла

* Въ 1839 году начались спектакли и въ 1839 г. („Губ. Вѣд.", 1839 г., № 31, *кстати замѣчаемъ*) и въ 1840 г. („Губ. Вѣд.", 1840 г., № 32).

** („Губ. Вѣд.", 1838 г., № 7.

*** „Музыкальный и Театральный Вѣстн.", 1857 г., № 3. *Матеріалы для исторіи Кіевскаго театра*, А. фонъ-Юнка.—Лаврова *Сцена и жизнь*, 28—1 („Губ. Вѣд.", 1842 г., № 22.

**** „Губ. Вѣд.", 1842 г. № 22.

рыхъ брюкахъ? Преображенская ярмарка выводила изъ спячки пыльный и сонный городокъ. Квартиры дорожали до забвенія, такъ что за грязную лачужку приходилось платить дороже, чѣмъ за прекрасный нумеръ въ Петербургѣ въ лучшей гостиницѣ. До время ярмарки, писалъ Гребенка: Лубны оживляются. Пріѣзжіе купцы, начиная отъ грека, торгующаго турецкими табакомъ, до marchand de modes, раскладываютъ свои товары; еврей съ узелками и коробочками подъ мышкою спуютъ по площади; маркитанты наклеиваютъ на домахъ разноцвѣтныя объявленія; комедіанты въ красныхъ курткахъ ѣздятъ на тощихъ лошадяхъ по улицамъ, оглашая воздухъ нелѣпыми трубными звуками; въ домѣ благородного собранія гремитъ музыка"... „Кочующая труппа г. Млотковскаго пріѣзжаетъ въ Лубны увеселять публику *; публика хохочетъ, остается довольною—и кончено. Млотковскій достигаетъ своей цѣли, и за то спасибо".

Гребенка былъ въ лубенскомъ театрѣ три раза: въ первый разъ, когда играли „Русскій человѣкъ добро помнитъ" Полеваго, водевиль „Моя жена выходитъ замужъ" и „Казакъ стихотворецъ" кн. Шаховскаго, во второй разъ, когда шла драма Полеваго „Параша Сибирячка", и въ третій разъ на водевиль Ленскаго „Левъ Гурычъ Синичкинъ". Исполненіе водевилей привело Гребенку въ восторгъ; „многіе актеры: писалъ онъ, играли такъ, что хоть бы и на столичную сцену! Совѣсть мнѣ не дозволяетъ по городу драмъ: обѣ мѣстностяхъ опѣ отзывается крайне неодобрительно. Ни Рыбакова, ни Млотковской онъ, очевидно, не видѣлъ; ихъ це было въ Лубнахъ, и потому судить до сего статьямъ о труппѣ Млотковскаго нельзя. По нимъ можно судить лишь о томъ, каковы иногда бывали ея спектакли до время кочеванія по южной Россіи.

* О ея пріѣздахъ (Гребенки Соленина, V, 283) авторъ говоритъ и здѣсь, и въ другомъ мѣстѣ, какъ о явленіи, повторяющемся изъ года въ годъ.

О спектаклѣ, въ которомъ шла „Параша Сибирячка", Гребенка писалъ: „Театръ биткомъ набитъ зрителями, какъ въ столицѣ при первыхъ дебютахъ Тальони; нигдѣ нѣтъ пустаго мѣста. Оркестръ игралъ какую-то дичь ужасную, въ восточномъ вкусѣ. Музыку нестройнѣе этой трудно себѣ вообразить, флейты и кларнеты пищатъ невыносимо, но всего несноснѣе какая-то особаго устройства труба съ клапанами: она приноситъ ту выгоду, что подъ ея громовые вопли всѣ инструменты могутъ фальшивить сколько душѣ угодно, но за то, если сама труба ошибется и махнетъ не ту ноту, (а это часто случается), то вся гармонія разлетается, и дикій, несуразный вой проносится по театру". Далѣе Гребенка упрекалъ Млотковскаго за то, что тотъ „взялъ на выучку какихъ-то мальчиковъ" и заставилъ ихъ играть въ Лубнахъ „для практики" въ разсчетѣ на то, что „здѣсь сойдетъ съ рукъ". „Такое неуваженіе, прибавляетъ онъ: не простительно г. Млотковскому, тѣмъ болѣе, что публика такъ щедро платитъ за билеты; дѣло другое, если бы нельзя достать музыкантовъ, а то, говоритъ, пріѣзжала въ Лубны музыка покійнаго В. И. Маркова, съ которою можно играть даже оперы; если это правда, то г. Млотковскій не любилъ и въ половину публики такъ, какъ она его любитъ". О „Парашѣ Сибирячкѣ" и объ ея исполненіи Гребенка говоритъ ироническимъ тономъ. „Оркестръ кое-какъ угомонился, и поднялась занавѣсъ, со сцены такъ и понесло дичью; и на право, и на лѣво дичь... Сущая пустыня!... Послѣ показались какіе-то полудикіе люди и начали перекликаться такими дикими голосами, что многимъ дамамъ сдѣлалось дурно; еще явился пустынникъ, идущій изъ Іерусалима въ Москву самою прямою дорогою —черезъ Сибирь; явилась Параша и, какъ дитя знатныхъ родителей, хотя и воспитанное въ пустынѣ, стала перехъ честною компаніей въ 3-ю попрыжку, стоитъ въ самыхъ нысканныхъ брюкахъ? Преображенская ярмарка выводила изъ спячки пыльный и сонный городокъ. Квартиры дорожали до забвенія, такъ что за грязную лачужку приходилось платить дороже, чѣмъ за прекрасный нумеръ въ Петербургѣ въ лучшей гостиницѣ. До время ярмарки, писалъ Гребенка: Лубны оживляются. Пріѣзжіе купцы, начиная отъ грека, торгующаго турецкими табакомъ, до marchand de modes, раскладываютъ свои товары; еврей съ узелками и коробочками подъ мышкою спуютъ по площади; маркитанты наклеиваютъ на домахъ разноцвѣтныя объявленія; комедіанты въ красныхъ курткахъ ѣздятъ на тощихъ лошадяхъ по улицамъ, оглашая воздухъ нелѣпыми трубными звуками; въ домѣ благородного собранія гремитъ музыка"... „Кочующая труппа г. Млотковскаго пріѣзжаетъ въ Лубны увеселять публику *; публика хохочетъ, остается довольною—и кончено. Млотковскій достигаетъ своей цѣли, и за то спасибо".

Гребенка былъ въ лубенскомъ театрѣ три раза: въ первый разъ, когда играли „Русскій человѣкъ добро помнитъ" Полеваго, водевиль „Моя жена выходитъ замужъ" и „Казакъ стихотворецъ" кн. Шаховскаго, во второй разъ, когда шла драма Полеваго „Параша Сибирячка", и въ третій разъ на водевиль Ленскаго „Левъ Гурычъ Синичкинъ". Исполненіе водевилей привело Гребенку въ восторгъ; „многіе актеры: писалъ онъ, играли такъ, что хоть бы и на столичную сцену! Совѣсть мнѣ не дозволяетъ по городу драмъ: обѣ мѣстностяхъ опѣ отзывается крайне неодобрительно. Ни Рыбакова, ни Млотковской онъ, очевидно, не видѣлъ; ихъ це было въ Лубнахъ, и потому судить до сего статьямъ о труппѣ Млотковскаго нельзя. По нимъ можно судить лишь о томъ, каковы иногда бывали ея спектакли до время кочеванія по южной Россіи.

* О ея пріѣздахъ (Гребенки Соленина, V, 283) авторъ говоритъ и здѣсь, и въ другомъ мѣстѣ, какъ о явленіи, повторяющемся изъ года въ годъ.

ного искусства и начала говорить, что тамъ было надобно... Между тѣмъ скука овладѣвала зрителями... Подъ конецъ только потѣшила публику какая-то тѣнь, Богъ ее знаетъ какая, въ афишѣ не было о ней ни слова, а исправно потѣшила, славная тѣнь, дай ей Богъ здоровья!... Дѣло вотъ въ чемъ: въ отсутствіе Параши, ея родители на сценѣ очень жалобно разговариваютъ; больной отецъ, дожа на постелѣ, а матушка, сидя возлѣ него на той же постели. Сама же постель стояла у кулисъ, но какъ ни паненька, ни маменька Параши не знали, что имъ говорить въ такія горестныя минуты, то какой-то добрый человѣкъ (подозрѣніе сильно падаетъ на пустынника) взялся имъ подсказывать. Подсказывать, конечно, дѣло доброе, на это согласятся всѣ школьники, но на все есть свои манера; подсказыватель поставилъ у себя съ боку свѣчку, и его лицо, спрятанное за одною половинкою кулисъ, отразилось на другой половинкѣ надъ постелью больнаго. Тѣнь спокойна—всѣ молчатъ; тѣнь зашевелила губами, закачала огромнымъ носомъ—и всѣхъ затѣмъ говоритъ мужъ, опять тѣнь шевелитъ губами, отлѣчаетъ жена; словомъ, тѣнь играетъ роль какого-то духа, нашептывающаго рѣчи мужу и женѣ". Въ „Казакѣ стихотворцѣ" Гребенкѣ очень понравилось Зелинскій (Пруйсъ) и Соленихъ (Грицко). „Они говорили языкомъ чисто малороссійскимъ, были преносходны, и публика принимала ихъ съ восторгомъ". Протасова послѣ неудавшейся попытки говорить на какомъ-то нестромъ, ни русскомъ и не малороссійскомъ языкѣ, „управилась и сыграла очень мило свою роль." За то совсѣмъ плохъ былъ Ленскій (Павелъ), игравшій самаго казацкаго стихотворца Климовскаго. „Вообразите себѣ какое-то смѣшное существо, въ пріемахъ котораго отзывается провинціальная удаль, существо черезчуръ довольное собой; представьте себѣ, что это существо ходитъ въ приплясывая, стоитъ въ самыхъ нысканныхъ позахъ, что это существо имѣетъ на ногахъ лакированные сапоги, а на рукахъ бѣлыя лайковыя перчатки, и вы будете имѣть понятіе о Ленскомъ въ роли поэта-воина Малороссіи начала XVIII вѣка, человѣка съ душою глубокою и прекрасною"!

Въ драмѣ „Русскій человѣкъ добро помнитъ" Гребенкѣ понравились Бобровъ и Соленихъ. „Всѣ прочіе приходили, говорили, махали руками и выходили. Впрочемъ, „Карабановъ, прибавляетъ Гребенка, свою роль не игралъ, а произносилъ". За то оба водевиля сошли какъ нельзя лучше, благодаря Соленику, Зелинскому, Боброву и Протасовой I-й. Когда шедъ „Левъ Гурычъ Синичкинъ", „хлопаньо и хохоту конца не было". „Все было естественно, живо, близко къ истинѣ, лучше сказать, сама истина". Синичкина игралъ Зелинскій и игралъ „неподражаемо". „Смѣю васъ увѣрить, писалъ Гребенка: что петербургскимъ артистамъ не сыграть такъ этой роли....; даже полскій выговоръ Зелинскаго здѣсь былъ ему къ лицу". О Соленикѣ Гребенка отзывался, какъ объ актерѣ „весьма замѣчательномъ", который „ѣздѣ хорошъ безъ натяжекъ". „На немъ, замѣчаетъ Гребенка: держится комедія въ трупѣ Млотковскаго".

Въ концѣ своихъ замѣтокъ о лубенскихъ лѣтнихъ спектаклякъ 1840 года Гребенка писалъ: „Вообще, г. Млотковскаго водевили идутъ очень хорошо,—и давать бы ихъ: нѣтъ, давятъ драмы, идутъ сильнѣхъ ощущеній, громодаси на подмостки, на ходули—и падаютъ".

Мы уже говорили, чѣмъ объясняется этотъ не особенно лестный для труппы Млотковскаго отзывъ. Къ тому же, Гребенка, видѣвшій въ Соленикѣ замѣчательнаго комика, былъ не вправѣ думать, что труппа Млотковскаго могла какъ слѣдуетъ справляться съ одними водевилями.

Приведемъ изъ писемъ Гребенки еще одну выписку объ уѣздно-приарочныхъ правахъ, съ которыми, конечно, приходилось считаться и артистамъ. Послѣ театра обыкновенно бывали „собранія". Пѣхѣхалъ въ собраніе и Гребенка. Въ собраніи было много дамъ, многія заслуживали названія красавицъ; „въ общности, писалъ Гребенка: классъ дамъ здѣсь гораздо образованнѣе мужчинъ". Молодежь танцовала, было очень весело, Гребенка остался очень доволенъ „собраніемъ", рѣшился посѣтить его на другой день. На другой день было ужъ не то: все то пріѣхало пять дамъ и семь какъ леровъ. Дѣло въ томъ, что „какой-то весельчакъ вздумалъ пошутить и пригласилъ изъ театра кричалъ: „кто безъ меня смѣлъ открыть собраніе вотъ я васъ!" и робкіе провинціалы изобѣгая непріятностей, засѣли дома*". „Можно себѣ представить, какъ держали себя подобные „весельчаки" въ театрѣ и какъ третировали они артистовъ и артистокъ?

Лубенская ярмарка была незначительная и скромная ярмарка, и не ею пробавлялась труппа Млотковскаго въ теченіе лѣта. Главную жатву собирала она въ Ромнахъ, на Ильинской ярмаркѣ, а что представляла собою эта ярмарка въ отношеніи нравовъ и публики,— это можно видѣть изъ „Очерковъ прошлаго" Аѳанасьева-Чужбинскаго.

„Знаменитая Ильинская ярмарка, переведенная впослѣдствіи въ Полтаву, для улучшенія губернскаго города, говоритъ Аѳанасьевъ-Чужбинскій: существовала въ Ромнахъ съ 18 года **. Не смотря, однако, на большое стеченіе народа, на огромную цифру товаровъ и оборотнихъ капиталовъ, на разнообленность вкусовъ, съѣзжавшагося изъ всѣхъ уѣздовъ Полтавской и даже сосѣдняго Курскаго губерніи, на плохихъ городомъ до самаго послѣдняго времени*, Ромны оставались плохимъ городомъ до самаго послѣдняго времени*. „Гребенки Сочиненія, V, *Лубны и Провинціальные театры*, стр. 283—280.

**Здѣсь Аѳанасьевъ-Чужбинскій ошибается. Ильинская ярмарка существовала въ Ромнахъ еще въ XVIII вѣкѣ: о ней упоминается и въ „Топографическомъ описаніи черниговскаго намѣстничества" Шафонскаго, и въ „Географическомъ Словарѣ" Щекатова.

* Рѣчь идетъ о 50-хъ годахъ. Впрочемъ, и тогда Ромны по населенности и внѣшнему благоустройству не выдѣлялись изъ разряда иногда незначительныхъ уѣздныхъ городковъ. Въ 1853 году, напримѣръ, когда Ильинская ярмарка уже была переведена въ Полтаву, въ Ромнахъ насчитывалось всего 634 дома, изъ которыхъ только 13 были каменные, и 2798 жителей мужескаго пола, въ томъ числѣ 711 евреевъ. См. И. С. Аксакова—Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ, стр. 9—10 и 97—99.

ни*. На Ильинскую собирались помѣщики изъ окрестныхъ губерній какъ за покупками, такъ еще болѣе для веселости, потому что въ Ромны пріѣзжала изъ Харькова труппа Штейна, появлялись какіе-нибудь концертисты, а по вечерамъ устраивались въ дворянскомъ собраніи балы. Но балы оканчивались собраніе, усталыя барышни съ мечтами о красивыхъ офицерахъ спѣшили склонить разогрѣченную толоку на походное ложе,—эти самые красивые офицеры и вообще мужчины, кому только можно было улизнуть изъ-подъ родительской или супружеской опеки, уносились туда... Dahin! Dahin!"... „Въ театрѣ ремонтеры хлопали и свистали по своему усмотрѣнію, а въ антрактахъ ходили къ Штейну за кулисы пить шампанское и любезничать. Послѣ театра все это устремлялось къ Египетскому * въ общество цыганъ, а потомъ большинство неслось еще за заставу". Нѣсколько лѣтъ сряду въ Ромнахъ (см. „На украинскихъ ярмаркахъ", стр. 9—10 и 97—99) повторялись странныя продѣлки, а именно: при входѣ въ театръ, во время толкотни, незнѣстные люди опрыскивали ядовитою жидкостью дамскія платья, такъ что платье не только покрывалось пятнами, но и дырками и, разумѣется, пропадало. Многія дамы принуждены были уѣзжать съ вечера. Сперва относили это къ шалости молодыхъ людей, но послѣ догадались, или какъ-то узнали, что продѣлки эти принадлежали торговцамъ модными матеріями, которые подкупали разныхъ негодяевъ и вели отлично свои торговые обороты**.

Такова была ярмарочная публика въ Ромнахъ! Таковы были ея нравы! Можно себѣ представить, какъ она относилась къ театру и чего она требовала отъ него!

Н. Ч.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* Египетскій — содержатель ресторана въ „дворянскомъ домѣ".

** Аѳанасьева-Чужбинскаго *„Очерки прошлаго"*, изд. 1863 г., ч. III, стр. 177—178, 185 и 216.